

результатов чего стало сокращение производства молока. В сочетании с растущими ценами на молоко на мировом рынке, это может привести к новому витку роста потребительских цен в продовольственном сегменте.

Впрочем, мы надеемся, что даже урожай выше среднего сможет обеспечить во второй половине года благополучную динамику цен на продовольствие, что позволит опустить годовую инфляцию примерно на те же 1,4 п.п., на которые она выросла из-за неурожая в прошлом году, и вывести её на уровень 6% по итогам года.

Николай Кондрашов

Реальный сектор

4. Нефтяные горки и голландская болезнь

Высокие цены на нефть не помогают российской экономике, которая тормозит на фоне продолжающегося укрепления реального курса рубля, циклически неустойчивого бюджета и протекающей в скрытой форме голландской болезни.

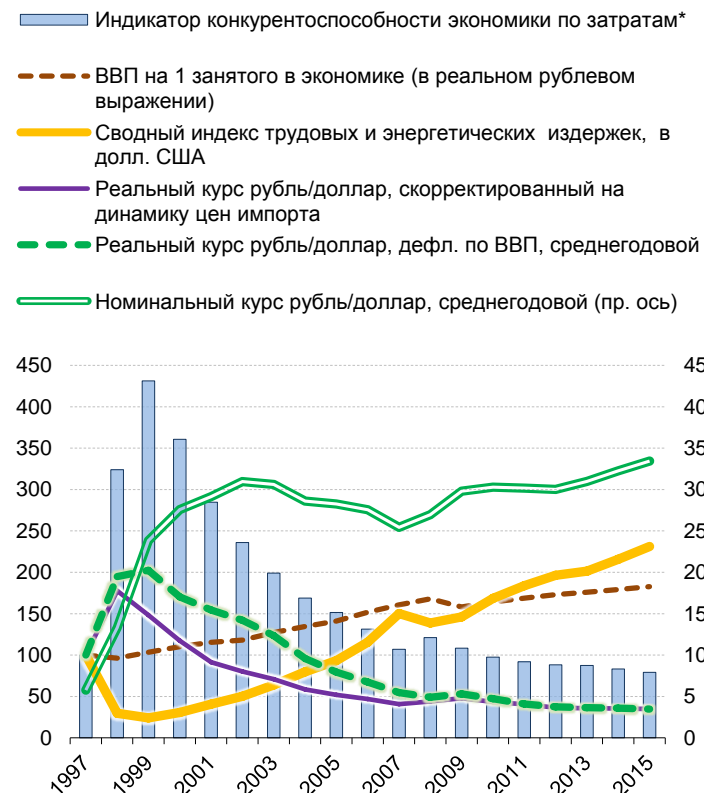
Новые статистические данные подтверждают утверждение, что текущие проблемы российской экономики никак не являются случайными. Они назревали давно, и можно сказать, что они коренятся в самой природе российской экономики как экономики явно выраженного ресурсно-сырьевого типа. Помимо плохих институтов и искажения всех разумных экономических мотиваций, что связано с использованием властно-административного ресурса в борьбе за распределение сырьевой ренты, это постоянные препятствия для поступательного экономического роста и со стороны производства, и со стороны спроса.

Основная проблема большинства сырьевых экономик со стороны предложения, проще говоря, для производителей – это периодическое укрепление национальной валюты сверх равновесного уровня, то есть более быстрый рост цен на национальные товары относительно торговых партнеров. Такое происходит в период ценовых бумов на сырье. Как говорит статистика, Россия здесь оказывается особо уязвимой. В рейтинге основных стран мира по динамике номинального и реального эффективного курса национальных валют, который мы построили на основе свежих данных Банка международных расчетов (БМР) за период с января 2004 г. по май 2013 г. (то есть за период бурного роста нефтяных цен и выхода их в неравновесную зону), Россия по темпам роста реального эффективного курса рубля занимает второе место, имея прирост на 58%, что близко к уровню Филиппин (52%) и ниже лишь Бразилии, где прирост составил почти 70% (см. рис. 4.2).

При этом в отличие от двух последних стран чрезмерное укрепление реального курса национальной валюты Россия получила за счет инфляционной составляющей, а не роста курса рубля. Судя по всему, такой характер укрепления национальной валюты для экономики, нуждающейся в диверсификации за счет развития обрабатывающего сектора, оказался чрезмерным. По тем же данным БМР, номинальный эффективный курс рубля за этот же период снизился в России примерно на 17%, тогда как почти у всех стран – лидеров по темпам укрепления реального курса – номинальный курс наоборот сильно укреплялся (см. рис. 4.2). Это говорит о явных проблемах в настройке курсовой и антиинфляционной политики в России, то есть о неадекватном понимании регулируемыми органами природы российской инфляции и роли инфляции издержек в снижении конкурентоспособности экономики.

С точки зрения динамики издержек российская экономика, похоже, находится у кризисной черты. Если взглянуть на динамику рассчитываемого нами индекса конкурентоспособности как взвешенного роста удельных трудовых и энергетических издержек в валютном выражении, то его значение сейчас составляет около 87.4, что примерно на 13 пунктов ниже уровня, когда в России

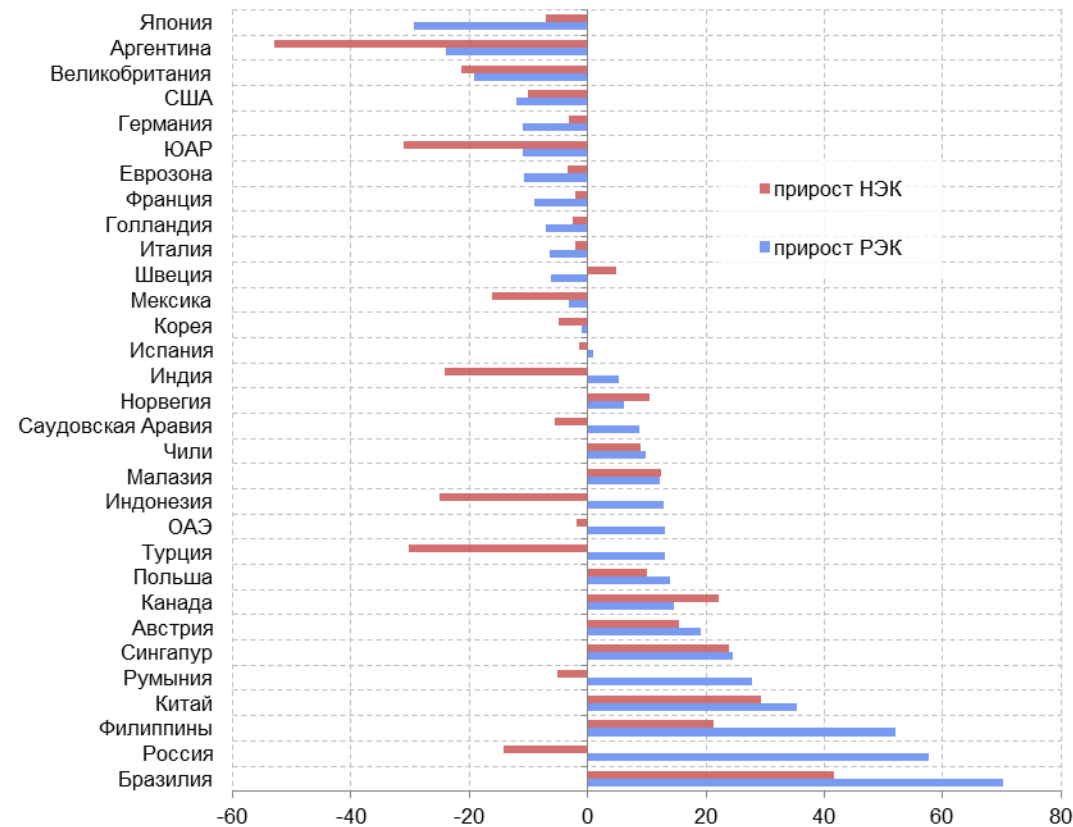
Рис. 4.1. Динамика индикаторов конкурентоспособности российской экономики и инерционный прогноз (100 = 1997 г.)

*Индикатор рассчитан как обратное значение сводного индекса роста затрат на рабочую силу и электроэнергию в валютном выражении, дефлированных на рост производительности труда в экономике. В результате индикатор конкурентоспособности – это обратное значение индекса роста удельных затрат в экономике в валютном выражении.
Источник: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

разражались кризисы 1998 и 2008–2009 гг. (см. рис. 4.3). Это не значит, что вскоре обязательно придет сильный кризис – для этого нужны и внешние факторы – однако тревожность ситуации снижения темпов производства не вызывает сомнения.

Рисунок 4.2. Рейтинг стран по приросту номинального и реального эффективного курса национальной валюты (НЭК и РЭК, соответственно) за период с января 2004 по май 2013 г. («+» укрепление, «-» ослабление валюты), в %

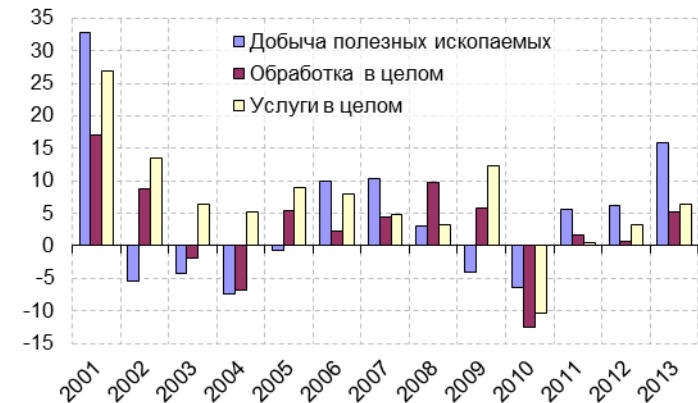
Источник: Банк международных расчетов, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 4.3. Динамика реального выпуска добавленной стоимости в секторах экономики (прирост за год), %

Источник: Росстат, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 4.4. Динамика удельных трудовых издержек как разницы динамики производительности труда и реальной рублёвой зарплаты (прирост за год), в %

Источник: Росстат, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Эта тревожность повышается, если учесть еще и проблемы на уровне спроса, которые состоят не столько в его недостатке, сколько в том, что в любой сырьевой экономике на циклы колебания сырьевых цен и мировые бизнес-циклов, как правило, накладывается процикличность и кредита, и бюджетных расходов. Россия в этом плане снова не «плывет против течения»: власти планировали сокращение бюджетных расходов ровно в тот момент, когда замедляющейся экономике нужно прямо противоположное, и в то же время раздували их, когда с экономикой и так все было в порядке и она не нуждалась в бюджетном стимулировании.

Все это – и укрепление курса, и рост издержек, и нелогичная процикличность бюджетной политики – накладывается, а, точнее, выливается в обострение долгосрочных проблем российской экономики и, прежде всего, в неадекватные темпы развития обрабатывающего сектора, где генерируются основные инновации и ноу-хау, способствующие устойчивому долгосрочному росту страны. Все развитие идет в сторону раздувания сектора добычи и услуг. Последний же, то есть сервисный сектор, в России обслуживает в основном сырьевых экспортеров, а не потребности обрабатывающего сектора, который, прежде всего, нуждается в здоровом, образованном и креативном работнике. Но доля образования и здравоохранения в услугах не растет.

Если взглянуть на рис. 4.4, то видно, что темпы роста обрабатывающего сектора после восстановительного отскока вверх в 2010 г. устойчиво замедляются и в текущем году примерно в два раза меньше темпов роста суммарного индекса сектора услуг.³ Трудовые ресурсы в последние три года перетекают в сектор добычи, где число замещенных рабочих мест растет – в первые четыре месяца 2013 г. на 1.5% при снижении в обработке на 1.9%. При этом производительность труда в добыче падает – в этом году более чем на 5%, если ориентироваться на счет ВВП. При росте заработной платы удельные трудовые издержки в добыче и в секторе услуг стремятся к предкризисным высотам.

³ В данном случае в сектор услуг при расчете мы включили все сектора, кроме добычи и обрабатывающих производств по ОКВЭД.

Таблица 4.1. Симптомы голландской болезни в российской экономике

Рост 2013 г. к 2003 г., %	Добыча	Обработка	Услуги
Выпуск по счетам ВВП	113.5	129.4	168.2
Выпуск (пром.)	122.9	150.6	
Занятость	88.6	71.6	102.7
Реальная заработная плата	172.0	207.3	243.2
Производительность труда	128.0	180.7	163.7
ULC в рублях	134.4	114.7	148.5

Прирост 2013 г. к 2000 г., % в среднем за год	Добыча	Обработка	Услуги
Выпуск по ДС	1.3	2.6	5.3
Выпуск (пром.)	2.1	4.2	
Занятость	-1.2	-3.3	0.3
Реальная заработная плата	5.6	7.6	9.3
Производительность труда	2.5	6.1	5.1
ULC в рублях	3.0	1.4	4.0

Мы обобщили итоги развития укрупненных секторов российской экономики в целом за прошедшее десятилетие, и тоже увидели там явные признаки голландской болезни, которая с учетом российской специфики проявляется в явном (часто двукратном) отставании обработки от развития не только и не столько от непосредственно добычи полезных ископаемых, сколько от сектора услуг, где в значительной мере аккумулируется сырьевая рента – вспомним, что и сырьевые трубопроводы, и экспортная выручка торговых посреднических компаний экспортеров сырья учитывается в секторе услуг, а именно в транспортной отрасли и в торговле. Именно в сектор услуг перетекают трудовые ресурсы, увеличиваясь на 0.3% в год при снижении в обработке в среднем на 3.3% в год за последнее десятилетие. Именно в услугах наблюдается среднее ежегодное опережение ростом реальной рублевой зарплаты роста производительности труда на 4% при том же показателе в добыче в размере 3% и в обрабатывающем секторе в размере 1.4%.

Получается макро-голландская болезнь, которую власти не видят и не признают. Но разве экономике от этого легче?

Валерий Миронов

Реальный сектор

5. Финансовый результат экономики в первом квартале: убытки растут, налогооблагаемая база сокращается рекордными темпами

Опережающий рост затрат на производство и реализацию продукции по сравнению с динамикой выручки от продаж, убытки по внереализационным операциям, приблизившиеся к 300 млрд. руб., убытки убыточных